

СЛУЖЕНИЕ УШИНСКОГО

К 180-летию со дня рождения великого русского педагога

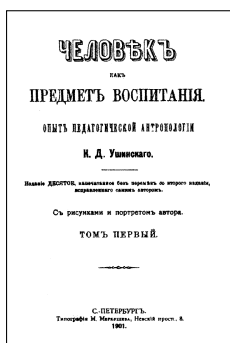
1

Почти полтора столетия назад в жизни прямого предшественника журнала «Народное образование» — «Журнала Министерства Народного Просвещения» произошли знаменательные перемены. Новым редактором журнала стал педагог и публицист, слава о котором уже передавалась из уст в уста.

Константин Дмитриевич Ушинский — сын двух братских народов, которые ныне с самоубийственным азартом предьявляют друг другу счета, хотя наша общая, единая судьба не поддаётся делению. Он — сын украинского и русского народов. Отец педагога, Дмитрий Григорьевич, представитель древнего малороссийского дворянского рода, подобно другим отпрыскам родовитых семей, получил образование в благородном пансионе при Московском университете. В том самом, где раскрылись творческие способности А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, князя В.Ф. Одоевского, Ф.И. Тютчева... Дмитрий Григорьевич Ушинский исполнил святой дворянский долг — послужил царю и Отечеству в сражениях 1812 года. Но хлопотливая военная карьера не привлекала небогатого малороссийского помещика. Вскоре он вышел в отставку и поселился в древнем, ещё из Киевской Руси, городе — Новгород-Северске Черниговской губернии. У Ушинских было немного крепостных, но изрядная библиотека... Вокруг семьи отставного офицера витала аура всеобщего уважения. Дмитрий Ушинский считал своим долгом предводительствовать местным дворянством, выполнять обязанности мирового судьи, поддерживать в уезде ростки просвещения. В 1824 году, в Туле, у Ушинских родился сын, прославивший фамилию, — Константин Дмитриевич. Мальчику было одиннадцать лет, когда их дом осиротел: мать была наперсницей Ушинского в его первоначальных занятиях. Она пробудила в сыне любовь к чтению. Образ матери навсегда сохранился в творчестве педагога, по-новаторски относившегося к роли женщины в процессах воспитания и обучения. Впрочем, и вторая жена Дмитрия Григорьевича стала для Константина родным и любимым человеком.

Ушинский поступает в Новгород-северскую гимназию — и обучение в коллективе преимущественно старших подростков совершенно захватывает мальчика. Во главе гимназии стоял образованнейший человек тех мест — профессор Илья Фёдорович Тимковский, о котором Ушинский всю жизнь хранил самые почтительные воспоминания.

Когда Ушинский ступил на поприще педагогической литературы, ситуацию в этой области с наибольшей полнотой определяли слова Дистервега: «Посмотрите на большую часть сочинений, написанных учителями и для учителей! Наполняется ли, согревается ли чьё-нибудь сердце при этом обзоре? Кто может извлечь из него силу для своей мысли, одушевление для важного подвига? Найдёт ли кто-нибудь в них дыхание жизни, самостоятельный образ мыслей и энергию? Это по большей части холодные, бессмысленные груды печатной бумаги...» Суровый приговор. Но Ушинский был бы согласен с такой оценкой. К тому времени, когда Константин Дмитриевич начинал свою литературную деятельность, в России уже прошёл пушкинский золотой век словеснос-

ти — и журналистика была достойна высоких образцов художественной прозы. Уже сильна была литературная критика — и из её недр рождалось научное литературоведение, рождалась научно-популярная литература. А вот учительская, педагогическая литература не устраивала читателя, воспитанного на Пушкине и Белинском, Гоголе и Чернышевском... Великая русская литература, показавшая свою мощь уже в XVIII веке, а с пушкинских времён ставшая сокровенным явлением российской цивилизации, оказывала решающее влияние на судьбы всех учёных, да и государственных деятелей XIX века. Не случайно отечественную культуру XIX–XX веков называют *литературоцентричной*. Нынче дела обстоят по-другому, но К.Д. Ушинский, несомненно, был ярким представителем именно литературоцентричной культуры. Более того — именно наследие Ушинского стало образцом русской педагогической мысли периода культурного расцвета России. Следует оговорить и ещё одну особенность идейного направления, к которому принадлежал К.Д. Ушинский. В отличие от большинства литераторов демократического направления, с которыми Ушинского многое связывало, Константин Дмитриевич не порывал с православием. Подобно Н.В. Гоголю, педагог сделал православную этику основой своего творчества вопреки всем противоречиям бурлящего века. Ушинский остро чувствовал несправедливость социального положения крестьян, ремесленников, разночинцев. В советские годы не раз подчёркивался демократизм воззрений Ушинского — и здесь не было натяжки. При этом, разумеется, умалчивали о религиозности великого педагога, а она была фундаментом всей педагогики Ушинского. О том, как цензура XX века уничтожала в наследии К.Д. Ушинского следы религиозности, не раз писал на страницах «Народного образования» современный историк и писатель В.Т. Чумаков.

Студентом Московского университета Ушинский был в 1840-е годы — легендарное время в истории университета! В стенах дома на Моховой как пароль звучали имена профессоров и мыслителей: Грановского, Кудрявцева, Станкевича, Редкина, Чивилёва, Крылова... Не только блестящие лекции, но и приятельские студенческие кружки определяли университетскую атмосферу того времени. Для многих тогдашних студентов университетская пора так и осталась самой яркой полосой в жизни, а за ней последовали мытарства и разочарования. Реальность слишком явно диссонировала с мирами Гегеля, Шиллера, Грановского... Художественное отражение этих мотивов мы находим у Тургенева в романе «Рудин». Но Ушинский был нехарактерным студентом. Напитавшись творческим духом университета, он не утратил самостоятельности мышления, не порвал связей с житейской реальностью, без которых немислим труд педагога. В студенческом клубе, заседавшем в трактире «Великобритания», Ушинский пользовался немалым авторитетом, к его мнению прислушивался даже пылкий демиург тогдашней идеологии — Виссарион Белинский. Между тем Константин Дмитриевич не разделял многих популяр-

ных молодёжных увлечений. Так, он не принимал наполеонизма, оставаясь православным человеком. Окончив университет, Ушинский не позволил себе нырнуть в пучину безделья, которую многие бывшие слушатели Грановского аранжировали пьяными слезами о прежнем студенческом братстве. В 1844 году двадцатилетний студент Ушинский блестяще завершает университетское образование и становится кандидатом права. Окончив университет, Ушинский не замедлил начать преподавательскую деятельность. Он уже видел себя лектором, уже представлял замысловатые, новые решения педагогических задач. Двадцатидвухлетний Ушинский становится профессором Ярославского Демидовского лицея. В ведении молодого правоведа оказались такие дисциплины, как история законодательства, законоведение и финансовая наука.

2

Приступив к работе с лицеистами, Ушинский всерьёз заинтересовался не только практикой, но и теорией образования. Наверное, именно тогда судьба учёного была решена. В сентябре 1848 года Ушинский произносит речь «О камеральном образовании». Ушинский предложил собственную систему камерального образования, в основе которой было изучение семьи, общества и народного хозяйства. Идеи Ушинского казались радикальными, излишне демократичными. В 1850 году он был вынужден оставить лицей. В Петербурге Ушинский с неохотой поступает на службу в Министерство внутренних дел, в подчинение к графу Д.А. Толстому, будущему министру народного просвещения. Ушинский начинает публиковаться в ведущих столичных литературных журналах: в некрасовском «Современнике», в «Библиотеке для чтения». Несколько лет учёный тосковал по живой педагогической работе. Наконец, в 1855 году Ушинский поступает на службу в Гатчинский сиротский институт — преподавателем словесности и законоведения. Гатчин-

ский институт, опекаемый графом Ланским, упрочил и финансовое положение семьи Ушинских. Учёный получил возможность для серьёзных, длительных исследований. С первых месяцев служения в Гатчинском институте Ушинский берёт на себя непростую роль педагога-реформатора. Большое влияние на него оказало знакомство с английскими статьями об образовании и воспитании в Соединённых Штатах. Во второй половине 1850-х годов в российском обществе, во многом благодаря стараниям Ушинского, проснулся интерес к педагогике. Один за другим открывались журналы, посвящённые проблемам воспитания и образования. Ушинский стал активным автором одного из новых изданий — журнала «Воспитание». Одна из первых его статей, опубликованная в этом журнале, — «О пользе педагогической литературы» (1857 г.), стала программной. В том же году «Воспитание» публикует ещё одну фундаментальную статью педагога — «О народности в общественном воспитании». Эти статьи создали Ушинскому репутацию крупнейшего мыслителя, озабоченного проблемами воспитания. Просвещённый читатель уже ждал от него новых слов и дел. Не будет преувеличением сказать, что уже к концу 1850-х годов звание «отца русской педагогики» было Ушинским вполне заслужено. Основой начальной школы он считал изучение родного языка и чтение. Этот принцип, на котором и была сформирована русская народная школа, пронизывает книгу для чтения «Детский мир», составленную К.Д. Ушинским.

В судьбе Ушинского не раз проявлялась народная мудрость: «Жалует царь, да не жалует псарь». В отношениях с «сильными мира сего» периоды кратковременных «романов» не раз сменялись сумраком опалы. Работа педагога в Гатчинском институте привлекла благожелательное внимание министерского начальства. Сначала Ушинского заметил А.В. Никитенко — академик, профессор, известный цензор и литератор, редактор «Журнала Министерства Народного Про-

свещения». Никитенко — выходец из низов — не любил дворянскую спесь. Ушинский же был безупречен в своём искренне-доброжелательном отношении к человеку, независимо от его происхождения. А.В. Никитенко в то время преподавал в Смольном институте. Посетив лекции Ушинского в Гатчине, он принялся горячо расхваливать талантливого профессора в кругах, близких к министру народного просвещения. Вскоре и сам министр Норов услышал от Никитенко добрые слова об Ушинском. Результатом стало назначение Ушинского инспектором классов «обоих отделений Смольного института». «Обоими отделениями» назывались собственно Институт благородных девиц и его «неблагородная» половина — Александровское женское училище. Константин Дмитриевич немедленно приступил к реформированию этого учебного заведения, определив стратегические задачи образования и воспитания русских женщин. В основу образовательного процесса (в особенности — в трёх начальных классах) Ушинский положил изучение русского языка. Вместо сухой и утомительной грамматики он предложил живую систему, основанную на наглядности, на обращении к фольклору и к высоким литературным образцам. В старших классах с особым почтением преподавалась история отечественной литературы, главенствующая роль которой в контексте всей культуры XIX века была для Ушинского очевидной.

По сложившейся традиции, инспектор Смольного института был фигурой, значимой для императорского двора. Ушинский чувствовал поддержку членов царской семьи, а в особенности — её женской половины, живо интересовавшейся успехами воспитанниц Смольного. А успехи не заставили себя ждать. Воспитанницы уже не относились к учёбе как к надоедливой рутине. Родители почувствовали перемену в своих дочерях и вместе с ними прониклись уважением к новым преподавателям. В печати стали появляться благодарные письма родителей, укреплявшие авторитет Ушинского. Императрица Мария Александровна была покорена вдохновенной работой инспектора.

В Смольном вокруг Ушинского собралась плеяда молодых педагогов — учёных и писателей, увлечённых задачами воспитания. Один из них — Лев Николаевич Модзалевский, автор «Очерков истории воспитания и обучения с древнейших времён и до нашего времени» (1866 г.) — написал ставшее известным детское стихотворение:

Дети! В школу собирайтесь, —
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь, —
Смотрит солнышко в окно!
Человек, и зверь, и пташка —
Все берутся за дела;
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг,

Лес проснулся и шумит,
Дятел носом тук да тук!
Звонко иволга кричит,
Рыбаки уж тянут сети,
На лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети!
Бог лениться не велит!

1864 г.

Кого из нас — детей XX века — не поднимали с постели крылатые слова этого стихотворения? Конечно, такая идиллическая картинка не отражает (и не должна отражать!) идей Ушинского, но целый ряд психологических деталей — сравнение процесса обучения с природными процессами, молитва, освещающая школьную науку, радостное восприятие учёбы — заставляет вспомнить о лучших годах Смольного института. Нельзя не вспомнить и традиционные *четверги*, когда в смольной квартире Ушинского собирались институтские преподаватели, а также учёные, писатели, журналисты, привлечённые обаянием личности великого педагога. Дружеский ужин, длинные беседы, чтение новых статей — ещё нигде не опубликованных и даже не получивших цензурного одобрения. Завсегдатаями четвергов, кроме Модзалевского, были В.О. Буссе, М.И. Семевский, В.И. Водовозов, Д.Д. Семёнов, основатель бесплатной Таврической школы барон М.О. Косинский... Упомянем и писателя П.Г. Помяловского, учительствовавшего в Шлиссельбургской воскресной школе для детей рабочих. Ушинский с азартом принялся преподавать в Смольном дисциплины, по существу, открытые им для русского студенчества: дидактику и педагогику. Но, пожалуй, главным достижением педагога за период работы в Смольном было создание круга единомышленников, талантливых учеников, которые и стали ядром молодой русской педагогики 1860-х годов. Как и любой *основоположник* научной школы, Ушинский был не только крупным теоретиком и практиком педагогики. Он был талантливым пропагандистом и популяризатором своих идей. Именно эта грань таланта позволяла учёному успешно сотрудничать с литературными журналами, работать в редакциях.

3

Издание книги «Детский мир» принесло Константину Дмитриевичу всероссийскую славу. Первый тираж — 3600 экземпляров — быстро разошёлся по учебным заведениям России. Потребовалось два новых издания. Но ничто так не раздражает обывателей от науки, как заслуженный чужой успех. К 1862 году клеветники настолько активизировались, что Ушинский, испытав нервный срыв, написал резкое оправдательное письмо. Зависть «смольных дам» не знала границ: оскорбительные доносы на Ушинского сделали невозможным дальнейшее пребывание педагога в должности инспектора. Императрица Мария Александровна взяла педагога под свою защиту. Ушинский был причислен к IV отделению собственной его величества канцелярии. Разумеется, за Ушинским сохранили прежнее жалованье. Для нервного успокоения, по предложению императрицы, Константин Дмитриевич отправился в европейскую командировку. В Швейцарии Ушинский должен был позабыть как об интригах Смольного, так и о неприятностях, нажитых в «Журнале Министерства Народ-

ного Просвещения». И всё-таки клеветники нанесли педагогу болезненную рану. Его здоровье пошатнулось, а воспоминания о невоплощённых планах наложили тень на всю последующую жизнь Константина Дмитриевича.

Несмотря на доносы, в Министерстве народного просвещения Ушинского ценили. Новый министр А.В. Головин предложил Ушинскому возглавить «Журнал Министерства Народного Просвещения», предоставив педагогу карт-бланш для любых нововведений. Журнал должен был сыграть свою роль в подготовке и осуществлении образовательной реформы. Ещё сохраняя полномочия инспектора Смольного института, Константин Дмитриевич возглавил министерский журнал в середине 1860 года. Подробный очерк, посвящённый работе Ушинского в журнале, был помещён в № 5 «Народного образования» за 2002 год и в одной из глав очерка истории «Старейшего журнала России» в № 1 за 2003 год. Заметим, что и в журнале, по существу, повторился сценарий сотрудничества Ушинского со Смольным институтом. Блестящая, энергичная работа педагога переустроила журнал. Затем последовала аппаратная интрига — и он был вынужден оставить свой пост. И в то же время труд педагога не пропал даром. Работа Ушинского преобразила и Смольный институт, и «Журнал Министерства Народного Просвещения».

Из всех статей Ушинского, опубликованных в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в годы редакторской работы педагога, мы выделим две. В них с особенной ясностью прочитывается провидческое послание, предназначенное для будущих поколений. И проблематика статей, и выводы, к которым приходит Константин Дмитриевич Ушинский, оказались неподвластными времени. Ходовое определение «не потерял своей актуальности» применимо к этим трудам, как ни к каким иным. Первая статья — «Труд в его психическом и вос-

питательном значении». Очень многие достижения педагогики XX века были предвосхищены Ушинским в этой работе. Учёный опирался на капитальные исследования философов, экономистов, историков — и синтезировал полученные знания в приложении к образовательной проблематике. Ушинский пишет: «Без личного труда человек не может оставаться на одном месте, но должен идти назад». Эта идея переключается с идеями современников Ушинского — Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Николая Чернышевского... Но учёный делает философский тезис продуктивным для педагогики. Педагог с юридическим образованием очень гармонично проводит нас от общих тезисов к частным выводам, от стратегии — к тактике. В отличие от большинства исследователей, которые нередко за деревьями не замечают леса, Ушинский помнит о высоком предназначении педагога, о предназначении Просвещения. Из русских мыслителей того времени ближе других к Ушинскому стоял великий хирург Н.И. Пирогов. Подобно Пирогову, Ушинский не представлял себе педагогику локальной, изолированной от других наук, от просвещения в целом, от социальной, политической и экономической картины, от судеб народа. И в то же время, проникая в глубины локальных проблем, Константин Дмитриевич демонстрировал и свой богатый практический опыт, и умение подвергать собственную педагогическую практику объективному анализу. Безусловно, идея трудового воспитания была выношена Ушинским во время работы в Смольном институте, когда он наблюдал благотворное влияние труда на воспитанниц. Задания, выполнив которые институтки видели результат своего труда, определённую *продукцию*, становились решающими в «борьбе за учениц». Авторитет образования завоевывался именно такими заданиями. И набиравшая популярность философия труда пришлась кстати, подкрепив наблюдения Ушинского своей всеобъемлющей логикой.

Со студенческих лет К.Д. Ушинский увлекался театром, был завсегдатаем московского Малого, а затем и столичной Александринки. Искусство Мочалова и Щепкина повлияло на педагога не меньше, чем лекции любимых профессоров. В юности Константин Дмитриевич даже совершил попытку сделаться «службой Мельпомены», написал пьесу, преподнёс её любимому актёру — Мочалову. Ушинский мечтал увидеть свою шестиактную трагедию в бенефисе Мочалова... Но актёр подверг драматический опыт Ушинского уничижительной критике. Отгрустив, Константин Дмитриевич навсегда бросил писать драмы — и сжёг ту трагедию. Но театр остался в душе педагога. Огромная воспитательная роль сценического искусства была понята Ушинским в духе эстетики европейского Просвещения — Буало, Вольтера, Дидро, Ломоносова...

Вторая статья из числа опубликованных в «Журнале Министерства Народного Просвещения», о которой я бы хотел напомнить, называлась «О нравственном элементе в русском воспитании». Её установки переключаются с театроведческой эстетикой века Просвещения. Да-да, Ушинский был рачительным учёным — и использовал в своём хозяйстве всё богатство эмоциональных и интеллектуальных впечатлений. Конечно, это свойство присуще истинным учёным, нашедшим своё призвание. На нравственный элемент в воспитании Ушинский смотрит как истинный гражданин: нравственным чувством Ушинский называет «чувство общности», противопоставляемое «чувству личности, эгоизма». Ушинский убедительно опровергает «голый практицизм» иных педагогов, которые за прагматическими установками забывают о том, что без постановки высоких задач и малые задачи остаются неразрешимыми. Ушинский утверждает: «Одного ума и одних познаний ещё недостаточно для укрепления в нас того нравственного чувства, того общественного цемента, который связывает людей в честное, дружное общество». Говоря о задачах воспитания, педагог не забывает, что «влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждого его личных интересов».

Народность образования понималась Ушинским как гармоничное сочетание традиции и новаторства, исторических корней и динамики развития. Фундаментом образования Ушинский считал народный характер: «Есть одна только общая для всех прирождённая склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа».

В Швейцарии Ушинский досконально изучил местные школы и высшие учительские учебные заведения. Устройство учительских семинарий в России занимало мысли учёного.

С прежней энергией Ушинский превращал свои исследования в яркую, доступную многим научно-исследовательскую литературу. Семь статей, объединённых названием «Письма из Швейцарии», начали публиковаться в России под названием «Педагогическая поездка по Швейцарии» уже в 1862 году. Всем недоброжелателям стало ясно: Ушинский не сломлен, он трудится с прежней продуктивностью и готов отстаивать свои воззрения. Из «швейцарского далёка» Ушинский зывал: «Теперь именно настаёт пора, когда России всего более нужны школы, хорошо устроенные, и учителя, хорошо подготовленные, — и много, много школ нужно!» Именно устройство образования, по Ушинскому, является фундаментом общества — оно, а не земельная и судебная реформы, о которых спорили в шестидесятые годы в России. Разве в современной России эти споры прекратились? Или народная школа перестала быть брошенной сиротой?

В Швейцарии Ушинский продолжал работу над новаторскими пособиями для начальной школы. В 1864 году в России вышла в свет новая книга педагога для детей «в возрасте до 10 лет»: «Родное слово». Эта книга подарила педагогам России действенную систему начального обучения. Первый год обучения соответствует первым частям «Родного слова» — «Азбуке» и «Первой книге после Азбуки». Во время второго года обучения Ушинский в своей книге для чтения предложил своеобразную хрестоматию очерков о домашнем и школьном быте, о природе и временах года. Вслед за «Родным словом» появилась «Книжка для учащихся» — руководство, в котором разъяснялись вопросы преподавания по «Родному слову». Колоссальная работа Ушинского, создавшего стройную систему начального образования, вошла в классику отечественной педагогики и литературы. В современных азбуках и букварях, в книгах для чтения, предназначенных для начальной школы, мы находим следы работ Ушинского, его очерки, его рассказы. Всё это прочно вошло в школьный обиход.

В Швейцарии Ушинский полностью посвятил себя исследовательской работе. Настала пора приступить к главному труду жизни. Именно так Ушинский понимал своё капитальное сочинение — «Человек — как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». В этой работе, не имевшей аналогов в мировой литературе, Ушинский предпринял аналитический обзор педагогических воззрений от Аристотеля до середи-

ны XIX века. Эта книга стала лучшим поводом для любого педагога. Поводырь в мире науки.

В 1866 году судьба приготовила для Ушинского новый удар: министр Д.А. Толстой, не ладивший с педагогом ещё в годы работы в Министерстве внутренних дел, нашёл в книге «Детский мир» зачатки опасного нигилизма и материализма. Книга была изъята из школ. Ушинского — одного из немногих православных людей в русской культуре 1860-х годов — обвиняли в причастности к антирелигиозному направлению. Константин Дмитриевич печатно ответил своим обидчикам (разумеется, не министру лично, но апологетам его идей) в «Учителе» и «Отечественных записках». Авторитет Ушинского среди педагогов только укрепился, а к новым испытаниям учёный был готов.

После возвращения из Швейцарии Ушинский, гонимый болезнями, скитался по малороссийским городам, жил в Киеве, наконец, внял рекомендациям врачей и последовал в Крым. По дороге в Крым он тяжело простудился — и для лечения остановился в Одессе. Одесса стала для Ушинского конечной станцией жизненного пути. Педагоги из разных областей России прибыли, чтобы проводить своего учителя в последний путь: от собора до железнодорожной станции «Куликово поле», далее — Киев. Похороны Ушинского в Выдубецком монастыре превратились во всероссийское чествование великого педагога. Великое значение Ушинского, прояснённое последующими десятилетиями, было очевидным уже для современников педагога — тогда, в 1870 году...

Арсений Замостьянов